

ОБАЯНИЕ ЛИЧНОСТИ

СОВЕТСКАЯ ЛАТВИЯ

Р. РИГА

Не так-то легко определить, в чем секрет огромного обаяния Николая Константиновича Симонова. Вероятно, это высокое напряжение внутренней жизни, какую живут герои Симонова. Они заставляют нас вслушаться в биение сердец человеческих, наводят на большие раздумья.

Николая Симонова всегда можно узнать. Стройная, величественная, мужественная фигура, резкие черты лица, озаренные доброй улыбкой глаза, проникновенный голос — все это сразу же замечаешь в любимом нами актере Ленинградского театра имени Пушкина.

Николая Симонова хорошо знают рижане. Его Федю Протасова мы полюбили еще шестнадцать лет назад, когда Ленинградский Академический театр драмы показывал в Риге драму Л. Толстого «Живой труп». Симонов покориł нас, прежде всего, своеобразной трактовкой героя Толстого.

Новой ступенью в творческой биографии Симонова явился Матиас Клаузен из пьесы Герхарда Гауптмана «Перед заходом солнца». Сыгранный им Клаузен свободен от вознивших в практике этой роли штампов. Более того, он кардинально отличается от созданных прежде интерпретаций этого главного героя. Матиас Клаузен — философ, тонкий и одаренный художник, человек среди волков. «Кто не слышит — тот глух», — говорит Матиас Клаузен. Клаузен Симонова слышит голос приближающейся трагедии мира — голос фашизма и человеконенавистничества — и не может не сопротивляться ему.

А дальше — пушкинский Сальери.

Судьба художника. Извечная тема борьбы гения с дилетантством, извечный спор между талантом и ремесленничеством. Этот спектакль мы увидели на днях на сцене Театра оперы и балета Латвийской ССР.

Сальери—Симонов сидит, углубленный в тяжелые думы, опустив голову на крышку рояля. Начинается бурный монолог — отчаянная борьба Сальери с самим собой. Николай Симонов фразу «Нет правды ни на земле, ни выше» произносит приподнято, это крик души, результат мучительных раздумий.

И снова изумляешься мастерству Николая Симонова. Каждое слово отточено, настроено на определенную волну. Это высочайший образец искусства речи, в которой каждая фраза является наиболее действенным и точным средством выражения авторской мысли.

«Я ныне за-вист-ник», — почти по слогам произносит Сальери. И мы чувствуем, что герой Николая Симонова — не просто эгоист, мелкий завистник. Нет, Моцарт для него не только «гуляка праздный». Глубоко человечно звучит признание Сальери: «Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь.

Я знаю, я».

Иногда даже кажется, что Сальери Симонова мог бы быть защитником Моцарта, спасителем, поэтому с таким отчаянием, протянув руки, идет Сальери через сцену и берет в ладони голову Моцарта: «Ах, Моцарт, Моцарт! Когда же мне не до тебя?». Очень долго в Сальери борются добро и зло. А как Сальери Симонова

бросает яд в бокал? Он мучится сознанием вины, сомнениями, бросает яд поспешно, дрожащими руками, чтобы быстрее сбросить ношу принятого решения.

Отчаянно звучит возглас Сальери: «Ты выпил... без меня?». С этой минуты Сальери Симонова мертв. Убита красота. Убито святое призвание искусства. Погас огонь творчества. Безвольно опущенные руки, поникшая фигура, холодные глаза говорят одно: Сальери убил в себе все — веру, талант, силу. Он тоже мертв. Жив лишь Моцарт. Творческий дух.

Рижане получили большое удовлетворение от новой встречи с замечательным мастером советской сцены народным артистом СССР Н. Симоновым, который недавно удостоен Государственной премии РСФСР 1966 года.

Г. ТРЕЙМАНИС.

22 ОКТ 1966